

ИВАНСКОЕ ЖИЗНЬ

на 1

•
•
•
•
•

ВКЗ

Чехов о Сибири.

«Всю высоту башен и величие зданий города мы замечаем, обыкновенно, уже тогда, когда убажываем из него и видим, как он отдаляется от нас».

Эта мысль принадлежит Фридриху Ницше и так точно соотносится с действительной жизнью, гдѣ она принадлежит къ талантливымъ людямъ.

Пока живѣ талантливый человѣкъ, о немъ говорятъ, его любятъ, но не чувствуютъ. Когда онъ умретъ, симпатии къ нему повышаются всецѣло, трогая, тщательно и добноно вспоминаются и невещественныя и невещественныя воспоминанія о немъ, его письма, отрывки разговоровъ, самыя ничтожныя мелочи, на которыхъ при его жизни никто-бы не обратилъ вниманія. И дѣлается это не изъ простаго любопытства, а изъ глубокаго, всеобщаго интереса къ его угасшей личности.

То же самое повторилось и съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ. Имъ интересовались, его любили еще при жизни, а когда онъ умеръ—воспоминанія и статьи о немъ заполонили всю текущую русскую литературу, хлынули огромныя и шумныя потоки и мощныя волны этого потока высоко вознесли прекраснѣйшій образъ дорогаго писателя. Тѣмъ людямъ почувствовали въ немъ что-то очень близкое, совсѣмъ родное, безконечно—милое и безконечно—цѣнное... И теперь каждое воспоминаніе о Чеховѣ, каждая не изданная ранѣе строчка, принадлежащая его перу, читаются тысячами людей жадно, на дышѣхъ, съ нестыгающимъ интересомъ.

Дѣйствительно тому казавъ въ Москвѣ вышелъ второй Товарищескій сборникъ «Новое Слово», въ который помѣщены произведенія И. Бунина, Н. Телешева, Н. Гарина, А. Одерова, Ю. Аксенова и др., и который открывались укрѣпшащими сборникъ «Письмами изъ Сибири» А. П. Чехова.

Какъ известно, лѣтомъ 1890 года Антономъ Павловичемъ проѣхавъ черезъ Сибирь на Сахалинъ къ качествъ корреспондента «Новаго Времени», «вду вѣдая дружбы», шутя, говорилъ онъ тогда, объясняя потомъ эту фразу тѣмъ, что Суворовъ общалъ плавать ему за корреспонденцію по 20 коп.

со строки. Вотъ въ эту-то поездку Ант. Павл. и написалъ своимъ роднымъ рядъ писемъ изъ Томска, Иркутска, съ Байкала и съ другихъ мѣстъ, юмористически подлимавшихъ подлѣ нимъ:

«Вашу Номо sacnallensis А. Чеховъ». Письма эти не могутъ быть разсатриваемы ни съ научной, ни съ серьезно-битовой точкѣ зрѣнія, но изъ нихъ много чеховскаго юмора и мелкаго черточекъ, мило характеризующихъ природу Сибири и тогдашній ее бытъ.

Вотъ отрывки изъ этихъ писемъ: «14 мая 90 года, село Яръ, въ 45 верстахъ отъ Томска.

«Сибирская равнина начинается, кажется, отъ самаго Екатеринбурга и кончается чортъ знаетъ гдѣ, я сказалъ-бы, что она очень похожа на нашу южно-русскую степь, если-бы не мелкій березникъ, покрывающій то тамъ, то сямъ, и если-бы не холодный вѣтеръ, покрывающій шкуи. Мелькаютъ верстовыя столбы, жуки, березнички... Вотъ перечали переселенцы, потомъ этакъ... Встрѣтили бродягъ съ котелками на спинахъ, эти господа безпрестанно прогуливаются по всему сибирскому тракту. То старшунку зарѣжутъ, чтобы взять ее идуку себѣ на портянки, то сорвутъ съ верстового столба жезлчикъ съ цифрами—сгодится, то проломаютъ голову встрѣнушему нищему или выкобятъ глаза своему же брату съичному, но проѣзжающихъ они не трогаютъ. Вообще въ разномыслии отношеній къ вамъ здѣсь совершенно безопасна. Отъ Тюмени до Томска ни почтовые, ни военные ящики не помнятъ, чтобы у проѣзжающихъ украли что-нибудь; когда идешь на станцію, вещи оставляешь на дворъ; на вопросъ не украдутъ-ли, отвѣчаютъ улыбкой. О грабежахъ и убійствахъ по дорогѣ не принято даже и говорить. Вообще народъ здѣсь хорошій, добрый и съ прекрасными традиціями».

«Если-бы не холода, отнимающій у Сибири лѣто, и если-бы не чиновники, развращающіе крестьянъ и сильныхъ, то Сибирь была-бы богатѣйшей и счастливѣйшей землей».

«...Что ужаснѣе всего и чего я не забуду во всю мою жизнь, это перевозы черезъ сибирскія рѣки. Подъѣхавъ ночью къ рѣкѣ... Начинаешь съ шашкомъ кричать. Ну-съ чертъ

чась въ потемкахъ показывается громадный паромъ, имѣющій форму баржи; громадныя весла, похожія на рачьи клешни. Перевозчики народъ озорной, все больше сильные, присланные сюда по приговору обществу за порочную жизнь. Сверхсловахъ нестерпимо, кричатъ, просятъ денегъ на водку. Возвезу черезъ рѣку долго, долго... мучительно долго!»

«...Въ деревнѣ (около Томска) грѣлся и пилъ чай. Приходили за милостивой силой: для нихъ каждая семья ежедневно закладываетъ пудъ пшеничной муки. Это въ родѣ повинности. Сильные берутъ хлѣбъ и пропихиваютъ его въ кабакъ. Одинъ сильный, оборванный, бритый старикъ, которому въ кабацъ выбили глаза свои-же сильные, утѣшаетъ, что въ кабакѣ прѣзжія, и принимаетъ меня за купца, ставъ пѣть и читать молитвы. Онъ и о заранѣ и за упокой, пѣвъ и пасхальное «да воскреснетъ Богъ» и «Со святыми упокой»,—чего только не пѣлъ? Потомъ ставъ врать, что онъ изъ московскихъ купцовъ. Я завылъ, какъ этотъ личина презиралъ мужиковъ, на шею которыхъ я шлѣ».

«Въ Томскѣ немалая грязь... Говинки говорятъ, что такая холодная и жидкая весна, какъ въ этомъ году, была въ 1842 году. Половину Томска затопило».

«Томскъ—скупѣйшій городъ. Если судить по тѣмъ пьянствамъ, съ которыми я здѣсь познакомился и по тѣмъ «зумнымъ» людямъ, которые приходили ко мнѣ въ номеръ на поклоненіе, то и люди здѣсь прескупѣйшіе. Покрайней мѣрѣ мнѣ съ ними такъ и весело, что я приказалъ человѣку никого не принимать».

«Въ Томскѣ у меня была полиція. Въ 11 часу вечера лакей вдругъ докладывалъ мнѣ, что мнѣ желаютъ видѣть помощника полиціймейстера. Кто такое? Ужъ не полковникъ-ли? Не заподозрили-ли во мнѣ вольтеріанца? Говорю лакею: проси. Входитъ мужчина съ длинными усами и рекомендуетъ. Оказывается, это любитель литературы и пришелъ ко мнѣ въ номеръ, какъ въ Мекку къ Магомету, дабы поклониться».

«Еще-де доползъ (отъ Томска) до Красноярска и два раза начинать свою повозку—никогда въ жизни не види-

валъ такой дороги, такого колоссальнаго присутствія и такой ужасной распушенной дороги».

Красноярскъ—красивый, интеллигентный городъ; въ сравненіи съ нимъ Томскъ—синій въ ермолюкъ и мочетонъ».

Когда передъ вечеромъ, уѣзжая изъ Красноярска, я переплывалъ Енисей, то видѣлъ на другомъ берегу совсѣмъ изъ казакскихъ горы, такія же дымчатыя, мечтательныя. Енисей широкая, быстрая, гибкая рѣка, красавецъ, дучше Волги... Горы и Енисей—это первое оригинальное и новое, встрѣченное мною въ Сибири. И горы и Енисей подарили мнѣ такими ощущеніями, которыя старое воображеніе меня за всѣ пережитыя кувыркодегії и которыя заставили меня обругать Левитана болваномъ за то, что онъ имѣлъ глупость не похвалъ ко мной».

«...Сибирскія барышни и женщины—это замороженная рыба. Надо быть моржомъ или тюленемъ, чтобы разозлить съ ними шашковъ».

«...Отъ Красноярска до Иркутска сплошную тинетъ тайга. Лѣсъ не крупнѣе Соколинскаго, но зато ни одинъ ящикъ не знаетъ, гдѣ онъ находится. Когда въѣдешь на гору и глѣншея впередъ и внистъ, то видишь вперемь гору, за ней еще гору, потомъ еще гору, съ боковъ тоже горы—и все это покрыто густымъ лѣсомъ. Даже жутко дѣлается. Это второе оригинальное и новое».

Иркутскъ—превосходный городъ. Совсѣмъ интеллигентный».

«...Вода на Байкалѣ бирюзовая, прозрачная, чѣмъ въ Черномъ морѣ. Тонъ чѣмъ, теплый. Прогулка по Байкалу вышла чудная во вѣки вѣкомъ не забуду. Скотина Левитанъ, что не похвалъ ко мной».

«...Селенга—сплошная красота, а въ Забайкальѣ я находилъ все, что хотѣлъ: и Кавказъ, и долину Пела, и Звенигородскій уездъ, и Доль. Верх неузнакъ—маленькій городокъ, Чита—плохой въ родѣ Сумъ».

«...Амуръ чрезвычайно интересный край. До чертенокъ оригиналенъ. Жизнь тутъ кипитъ такая, о какой въ Европѣ и понятія не имѣють. Она, т. е. эта жизнь напоминаетъ мнѣ рассказы изъ американской жизни. Бе-